

СВЕТЛАНА РЫЖАКОВА, ЕВГЕНИЯ РЕНКОВСКАЯ

Смерть за идеалы и почитание за смерть: к вопросу о мученичестве и его возможных моделях в культуре Индии

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-1-150-175>

Svetlana Ryzhakova, Evgeniya Renkovskaya

Death for Ideals and Veneration for Death: Martyrdom and Its Possible Models in Indian Culture

Svetlana Ryzhakova — Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). SRyzhakova@gmail.com

Evgeniya Renkovskaya — Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). jennyrenk@gmail.com

This article is an attempt to analyze the problem of understanding and defining the phenomenon of martyrdom in relation to the history and culture of India. The application of the concept of “martyrdom” to different (in particular, non-Abrahamic) religions and to different societies poses a number of problems related to the cross-cultural conceptualization of this phenomenon and the application of the very term “martyrdom” or its analogues to those cultures where such a concept was initially absent. Being originally Christian, the concept of martyrdom undergoes all kinds of transformations and modifications as applied to different contexts. We therefore start with defining some key criteria of the phenomenon. First, it is the presence of external forces and circumstances causing the death of a martyr; second, it is a reference to some good ideas or goals for which the martyr died; third, it is a posthumous memory and veneration, directly related to the death of a martyr who thus becomes a role model. The authors single out three possible models of martyrdom, known in the history and culture of India: shahadat — suffering and death for one’s beliefs,

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 22-28-00505: «Особые миры» Индии: малые народы и социальные группы. Этнокультурные стратегии сохранения и сглаживания различий (руководитель С. И. Рыжакова).

both religious and political, underlying the modern Indian national “pantheon” of martyrs; the kshatriya model, associated with military ethics; and the vernacular model, which underlies the formation of locally worshiped deities and deified heroes.

Keywords: martyrdom, *shahadat*, *shahid*, sacrificial death, castes, cults, India.

Введение

ПРИМЕРЫ мученической и жертвенной гибели во имя какой-либо идеи — религиозной, национальной, политической, или комплекса этих идей — хорошо известны в устной истории, разного рода нарративах, легендах, преданиях большинства народов и сообществ Индии, а также в политической истории страны. Многие случаи можно объединить категорией «героической смерти», одна из особенностей которой заключается в относительно свободном выборе: героизм начинается с осознанности действия, с принятия решения, с такого поведения, которое приводит человека к гибели, но сохраняет и защищает его определенные моральные ценности. Важно, однако, разобраться в принципах и способах интерпретации: как в данной культуре и сообществе понимаются и классифицируются различные случаи страданий, мучений и гибели.

В индийском дискурсивном пространстве существует целый ряд способов размышления о жертвенной смерти в целом и мучениях, приводящих к гибели, в частности — как о разновидности ритуала¹, как об историческом событии, произошедшем в определенных обстоятельствах², как о конструктах, представленных в литературных или фольклорных нарративах³. В индийской истории и культуре широко распространены элементы того,

1. См., в частности: Settar, S. (1989) *Inviting Death. Indian Attitude towards the Ritual Death*. Leiden: Brill; Vallely, A. (2018) “Dying Heroically. Jainism and the Ritual Fast to Death”, in M. Kitts (ed.) *Martyrdom, Self-Sacrifice, and Self-Immolation: Religious Perspectives on Suicide*, p. 182–204. Oxford: Oxford University Press.
2. Deol, H. (2000) *Religion and Nationalism in India. The Case of the Punjab*, p. 189. London and New York: Routledge.
3. См.: Schombucher, E., Zoller, C.P. (eds) (1999) *Ways of Dying. Death and Its Meaning in South Asia*. New Delhi: Manohar; Ramaswamy, S. (2008) “Maps, Mother/Goddesses, and Martyrdom in Modern India”, *The Journal of Asian Studies* 67(3): 819–853; Storm, M. (2013) *Head and Heart: Valour and Self-Sacrifice in the Art of India*. London: Routledge.

что обычно понимают под «мученичеством» в рамках христианской цивилизации и на Западе в целом⁴, хотя нередко отличаются их мотивация, рационализация, социальное основание и культурное обрамление. Тем не менее, изобилие и распространенность форматов, в которых в той или иной форме содержатся физические страдания, мучения, жертвенность и гибель требуют специального анализа.

Настоящая статья посвящена проблеме понимания и определения феномена мученичества применительно к истории и культуре Индии. В ходе работы мы использовали материалы наших полевых этнографических и лингвистических исследований 2014–2020 годах в штатах Керала, Раджастан, Химачал-Прадеш.

Применение понятия «мученичество» к разным религиям (в частности неавраамическим) и к различным обществам ставит перед исследователем ряд проблем, связанных с разным пониманием этого феномена в разных культурах, а также о применении этого термина и его аналогов к тем культурам, где такой концепт изначально отсутствовал. Будучи по происхождению христианским концептом, мученичество наследуется исламом, при этом в исламе концепт сильно расширяется и трансформируется. Например, если для официального признания человека мучеником в христианстве необходимы неоспоримые доказательства того, что потенциальный мученик не изменил своим религиозным убеждениям в момент гибели (например, определенное поведение или признания, сделанные человеком), то понимание мученичества в исламе охватывает большее количество форматов: от гибели непосредственно за веру вплоть до гибели последователя ислама за любое благое дело и вообще его преждевременной смерти⁵. Из сугубо религиозной сферы мученичество в дальнейшем переносится в светский контекст, и мучениками начинают называть героически погибших за Родину или за ту или иную идеологическую парадигму. В современных языках известны многочисленные переносные употребления понятия «мученик» — например, «мученик науки» и др. Таким образом, изначальный концепт претерпевает всевозможные трансформации и расширения в зависимости от сферы употребления.

4. См. в частности: Moss, С. (2010) *The Other Christs: Imitating Jesus in Ancient Christian Ideologies of Martyrdom*. New York, Oxford: Oxford University Press; Зымонт А. И. «Dulce et decorum est»: феномен мученичества в западных национализмах XVIII–XX веков // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 3. С. 173–171.
5. Али-заде А. А. Шахид // Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007.

Культура Индии формировалась не изолированно от остального мира, на нее оказали огромное влияние как многолетнее владычество мусульманских династий, так и европейские христианские колонизаторы: в культуре и тех, и других понятие мученичества на тот момент уже присутствовало. В формировании концепта мученичества в Индии важен и языковой фактор. На большинство новоиндийских языков Индии значительно повлиял фарси, бывший когда-то официальным языком Империи Великих Моголов, откуда были заимствованы большие пласты лексики и, в частности, арабское слово *śahīd* ‘мученик’. Английский язык в современной Индии является не только одним из двух официальных языков, используемых на государственном уровне, но и наиболее статусным языком, и слово *martyr* ‘мученик’ активно функционирует в англоязычном дискурсе Индии, в частности, применительно к исконно индийским реалиям. Таким образом, понятие мученичества в Индии известно уже довольно давно.

С другой стороны, хотелось бы рассмотреть проблему мученичества в Индии с культурологической точки зрения и не ограничиваться теми случаями, которые в индийском дискурсе могут быть названы соответствующими заимствованными терминами. С учетом постоянных трансформации и модификации изначального концепта мученичества в разных культурных контекстах, нам представляется целесообразным выделить некоторые общие компоненты, лежащие в основе этого культурного явления. Мы исходим из следующих критериев мученичества: во-первых, наличие внешних сил и обстоятельств, причиняющих смерть; во-вторых, наличие благих (с точки зрения конкретного социума) идеи или цели, за которые погиб субъект; в-третьих, посмертная память и почитание, непосредственно связанные с мученической смертью, при которых мученик прославляется за верность идее и/или как образец для подражания.

В таком понимании мученичество следует отличать от обычной насильственной смерти, от добровольной жертвенной смерти в ритуальных целях, столь распространенной в Индии, и от протестного суицида⁶. Так, в статье “Martyr” энциклопедии Merri-

6. К этому типу можно отнести несколько разновидностей смертей, включая самоубийство от отчаяния. См., например, работу, посвященную одной из животрепещущих тем современной Индии, самоубийству крестьян, доведенных до отчаяния: Бочковская А. Многомерность отчаяния: о самоубийствах фермеров Видарбхи // Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение / научный редактор И. П. Глушкова. М.: Наталис, 2012. С. 340–368.

am-Webster “Encyclopedia of World Religions”⁷ как вариант мученичества указывается, в частности, состояние бодхисаттвы в буддизме — существа, добровольно отказавшегося от обретения нирваны, с целью оставаться в мире и помогать другим живым существам духовно совершенствоваться и двигаться по пути Освобождения. Например, в известной джатаке Sasa-Jataka № 316 из палийского канона о бодхисаттве-зайце идет речь именно о добровольном принятии гибели: чтобы оказать почтение уважаемому гостю, заяц принял решение отдать свое тело, чтобы из него было приготовлено блюдо. *Деха-дана*, дар своего тела, индийская религиозно-культурная категория и один из типов даров, при том, что почти всякое социальное и культурное действие человека может интерпретироваться как принесение или получение того или иного дара⁸. Тем не менее, мы не считаем, что и бодхисаттву, и тех, кто совершает *деха-дану* можно отнести к категории «мучеников», известной в западном контексте и восходящей к христианской модели: ведь здесь речь идет о добровольных обетах, дарах или жертвах.

Многие тибетские иммигранты в Индии почитают мучениками тибетцев (в частности тибетских монахов), совершивших публичное самосожжение в знак протеста против китайской власти в Тибете. Случаи самосожжения в основном фиксируются в самом Тибете, но некоторые из них произошли также в Индии и Непале⁹. Согласно утверждению Антонио Терроне, «в тибетской общине в изгнании в Индии совершивших самосожжение прославляют и увековечивают как мучеников и национальных героев, о чем свидетельствует их обозначение как *rawó* — это слово в тибетском языке означает одновременно «герой» и «мученик»»¹⁰. Тибетская община в Дхарамсале даже установила памятник таким людям, прославляя их за акты самоотверженного патриотизма. Сами совершившие самосожжение до этого сравнивали свои действия с поступком Будды, «который отдал свое тело голодной ти-

7. Doniger, W. (ed.) (1999) “Martyr”, in *Merriam-Webster’s Encyclopedia of World Religions*, pp. 695–696. Springfield, Massachusetts: Merriam-Webster, Incorporated.

8. Acharya, K. (1993) *Purāṇic Concept of Dāna*. Delhi: Nag Publishers.

9. “International campaign for Tibet”, *Self-immolation fact sheet* [https://savetibet.org/tibetan-self-immolations/], accessed on 12.08.2021].

10. Terrone, A. (2017) “10. Nationalism Matters: Among Mystics and Martyrs of Tibet”, in Ch.-t. Kuo (ed.) *Religion and Nationalism in Chinese Societies*, pp. 299–300. Amsterdam: Amsterdam University Press, pp. 279–308.

грице», а свои горящие тела — с «лампами, рассеивающими тьму страны снегов»¹¹. Буддийский подход о становлении бодхисаттвой сочетается в случае подобных самосожжений с ярко выраженным национализмом. Однако такие действия достаточно сложно причислять к актам мученичества, поскольку данные поступки носят сугубо добровольный характер, кроме того, они поддерживаются и классифицируются как мученичество далеко не всеми тибетцами¹².

В этой статье мы делаем попытку анализа моделей насильственных смертей, известных в истории и культуре Индии, которые можно было бы определить понятием «мученичество» и которые соответствуют выделенным нами выше критериям. Большинство конкретных случаев мученической гибели в Индии, как нам представляется, попадают в одну из следующих трех моделей: *шахадат* — страдания и гибель за свои убеждения, как религиозные, так и политические, положенная в основу современного индийского национального пантеона мучеников; кшатрийская модель, базирующаяся на социальной этике; наконец, культово-вернакулярная, лежащая в основе формирования местных почитаемых божеств.

Модель *шахадат*

В настоящее время в Индии наиболее популярными на официальном уровне терминами для обозначения мученика и мученичества являются соответственно понятия *шахид* ‘мученик’ и *шахадат* (*śahādat*, также *шахиду* [*śahīdī*]) ‘мученичество’, неизменно употребляемые в политическом дискурсе. Понятие *шахид* стало известно в Южной Азии в целом и в Индии, в частности, с распространением ислама, и вслед за термином в индийской культуре прочно закрепился и его довольно широкий комплекс значений.

Арабское слово *šahid*, буквально означающее ‘свидетель’, как религиозный термин, вероятнее всего возникло под влиянием христианского понятия мученичества и первоначального значения греческого слова *μάρτυς* ‘свидетель’, ставшего термином,

11. Ibid.

12. Stefanicki, R. (2014) “Tibetans Divided Over Cult of Martyrs”, *Inter Press Service News Agency* [<http://www.ipsnews.net/2014/05/tibetans-divided-cult-martyrs/>, accessed on 12.08.2021].

обозначающим мученика. Если в современном понимании мученичества семантический компонент какого бы то ни было свидетельства не выражен, то, по общепринятому мнению, изначально этот термин относился к апостолам, как к реальным свидетелям жизни и воскрешения Христа¹³. Позднее, с началом гонений на христиан, этот термин стал применяться к тем, кто принял смерть за свою приверженность христианству.

При этом сам концепт в исламе отличается от христианского. Если изначально шахидом считался человек, погибший при странных или необычных обстоятельствах¹⁴, то с течением времени границы этого понятия сузились, и шахидом стал называться человек, погибший за правое дело¹⁵.

В современной Индии шахидами называют в основном тех, кто пострадал и отдал свою жизнь за Родину, начиная, прежде всего, с борцов за независимость Индии от британской колониальной власти. Им посвящено множество памятников; так, в столице штата Манипур, Импхале, это монумент Шахид минар¹⁶, находящийся в центре города, недалеко от крепости Кангла. Существуют отмечаемые на официальном уровне Дни шахидов, главный из которых приурочен к дате одного из самых известных убийств XX века — смерти М. К. Ганди 30 января 1948 года в Дели от руки Натхурама Годсе, члена политической партии *Хинду Махасабха*. Главной мотивацией этого убийства стало «слишком благоприятное» — с точки зрения Годсе и его соратников — отношение Ганди к мусульманам в ходе раздела Индии, хотя личная индуистская религиозность Ганди никем не оспаривается. Широко распространена легенда, что последними словами Ганди стали

13. Cross, F. L. (ed.) (2005) "Martyr", in *The Oxford Dictionary of the Christian Church*. New York: Oxford University Press. Насколько нам известно, в настоящее время эта точка зрения оспаривается, существуют и другие мнения, см., в частности, возведение этого термина к греческому институту поручительства при священной клятве, где *мартис* — тот, кто карает нарушителей (например, Зевс), а в христианстве сдвиг от карателя к жертве гонений прослеживается в Евангелии от Луки и Откровении, но окончательно закрепляется только в середине II века н.э.; Kitts, M. (2018) "The *Martyrs* and Spectacular Death: From Homer to the Roman Arena", *Journal of Religion and Violence* 6(2): 267–294.
14. Afsaruddin, A. (2013) *Striving in the Path of God. Jihād and Martyrdom in Islamic Thought*. New York: Oxford University Press.
15. Али-заде А.А. Шахид.
16. Высокая стела, установленная в парке Бир Тикенджажит в Импхале, памятник воинам народа мейтхей и других народов Манипура, борцам за независимость, сражавшихся с британцами в 1891 году.

слова обращения к Богу: «О, Рам!»¹⁷. Помимо дня смерти Ганди Днями шахида считаются годовщины казни (1931) революционера Бхагата Сингха (часто официально именуемого Шахид Бхагат Сингх) и гибели (в 1959) индийских полицейских на индо-китайской границе в ходе столкновений с китайскими войсками. В разных штатах Индии существуют и другие памятные дни почитания шахидов: так, 19 мая в Бенгалии — это *Шохид Дибос (Shôhid Dibôs 'День шахида')* или *Language Martyrs Day*, когда чествуют убитых в долине Барака в Ассаме в 1960–61 годах в рамках Движения за бенгальский язык, а 19 ноября в Махараштре отмечают день рождения рани Лакшмибай, правительницы княжества Джханси, участвовавшей в Восстании сипаев (1857).

Именно по отношению к таким шахидам — борцам за родину — в официальном дискурсе Индии на английском языке используется слово *martyr*. Так, в 2019 году премьер-министр Индии Нарендра Моди объявил о выходе пятитомного словаря “*Dictionary of Martyrs: India’s Freedom Struggle (1857–1947)*”¹⁸, содержащего имена официально признанных героев национально-освободительных движений, начиная с Сипайского восстания 1857–1859 вплоть до обретения Индией независимости в 1947 году, и краткие биографические сведения о них¹⁹.

Помимо общеиндийского политического дискурса, термины *шахид* и *шахадат* используются и в изначальном религиозном смысле — среди последователей ислама. При этом в неисламском религиозном контексте они почти не употребляются. Исключение составляет сикхизм. Тема мученичества, *шахиди* — одна из ведущих в истории сикхов с конца XVII века²⁰; это прекрасно демонстрирует экспозиция Музея сикхов в районе Чандни-чоук в Дели,

17. Правда, согласно относительно недавнему признанию очевидцев, в действительности этого, похоже, не было, а был просто возглас «Ох!»; см. Times of India (2018) “Never said ‘Hey Ram’ weren’t Bapu’s last words: Gandhi’s PA”, *Times of India*, January 30 [https://tinyurl.com/3sk67w9d, accessed on 27.02.2022].

18. The Ministry of Culture of India (2010–2018) *Dictionary of Martyrs: India’s Freedom Struggle (1857–1947)*. Vol. I–V. New Delhi: Indian Council of Historical Research & Manak publications Pvt. Ltd.

19. “Release of Dictionary of Martyrs of India’s Freedom Struggle (1857–1947) by Shri Narendra Modi, Prime Minister on 07 March 2019”, *Ministry of Culture, Government of India* [https://www.indiaculture.nic.in/release-dictionary-martyrs-indias-freedom-struggle1857-1947-shri-narendra-modi-prime-minister-07, доступ от 12.08.2021]; *Dictionary of Martyrs. Azadi ka Amrit Mahotsav (75 years of Independence)* [https://pib.gov.in/amritmahotsav/dictionary_book.aspx, доступ от 12.08.2021].

20. Fenech, L. E. (1997) “Martyrdom and the Sikh Tradition”, *Journal of the American Oriental Society* 117(4): 623–642.

где подробно описаны и представлены жесткие казни сикхских гуру, результатом чего и стало решение десятого гуру Гобинда Сингха создать *хальсу* как вооруженное сообщество сикхов. Поминание убитых и замученных шахидов регулярно встречается в молитвах сикхов *ардас* (*ardās*). Распространение изначально исламских терминов в сикхизме обусловлено тем, что сикхизм возник в конфессионально смешанной индуистско-мусульманской среде, где формировался своеобразный культурный, социальный и лингвистический пласт, в котором заметно взаимовлияние ислама (по большей части, суфизма) и индуистских культов, мировоззрения и повседневных обычаев и традиций²¹.

Несмотря на то, что понятие «шахид» широко распространено в политическом дискурсе всей Индии, и особенно северной ее части, в последние годы наблюдается тенденция к отказу от этого термина и его применения в светском контексте из-за его религиозных и, прежде всего, исламских коннотаций. Особенно явно эта тенденция проявляется в южных штатах Индии. Так, в штате Керала для обозначения мученика используется санскритское слово *рактасакиши* (*raktasākṣi*), букв. ‘свидетель крови’. Это слово, другое значение которого — ‘свидетель убийства’, становится термином в южноиндийском христианстве по аналогии с мучениками-‘свидетелями’ в мировом христианстве и дальше распространяется на светские контексты. В штатах Карнатака и Махараштра популярен другой санскритизм — *хутатма* (*hutātmā*), ‘душа, принесенная в жертву’. В языке телугу распространено обозначение — *амара вируду* (*amara vīruḍu*) ‘бессмертный герой’, а в тамильском — *вират тияги* (*vīrat tiyāki*), ‘героический жертвующий’, оба также являются санскритизмами. Как можно заметить, в светском дискурсе Южной Индии многие термины, пришедшие на замену понятию «шахид», несут в себе семантический компонент героизма и/или жертвенности, а религиозные коннотации в них уже полностью отсутствуют.

Другое мученичество в Индии: варианты и проблемы

Как было показано выше, концепты «шахид» и «шахадат» на территории Индии остаются основными для ислама и сикхизма,

21. См: Jawandha, N.S. (2010) *Glimpses of Sikhism*, pp. 42–43. New Delhi: Sanbun Publishers; Khan, A. (2015) *From Sufism to Ahmadiyya: a Muslim minority Movement in South Asia*, pp. 22–27. Bloomington: Indiana University Press.

а также часто встречаются в национальной политической риторике. Поэтому следующая наша задача — проследить и проанализировать случаи, которые можно было бы классифицировать как мученичество в других индийских религиях, не испытавших влияния ислама, а также в неисламском социуме. Кроме того, нам представляется важным поставить вопрос о том, существуют ли в современном индийском обществе модели, отличные от модели *шахадат*, которые можно было бы считать мученичеством.

Одним из общих мест в индологической литературе является утверждение об относительно неконфликтном сосуществовании различных культов, религиозных групп и направлений, объединяемых в рамках индуизма, джайнизма, буддизма, сикхизма (именуемых иногда дхармическими религиями, или религиями индийского корня), а на самом деле состоящих из гораздо большего числа течений и традиций. Это качество индийской цивилизации подмечали и публицисты, журналисты, писатели, в частности, Ромен Роллан в сочинении «Жизнь Рамакришны» (1929).

Причину такого — возможно, кажущегося — религиозного миролюбия объясняет, в частности, концепция религиозного инклюзивизма, известная в работах католических теологов, но благодаря работам Пауля Хакера²² введенная в индологическую литературу: заимствование чужих идей и верований и включение их в свою доктрину на иерархически подчиненном положении. Хакер рассматривал индийский инклюзивизм как интеллектуальную практику и полемическую стратегию, использовавшуюся в ходе конкурентной борьбы между различными религиозными традициями, и противопоставлял его толерантности, которую считал феноменом европейской культуры. Хакер подчеркивает односторонний характер присвоения чужой идеи и включения ее в свою систему на подчиненной позиции; это столь сильный акцент на иерархическом и полемическом свойствах инклюзивизма — пишет Евгения Десницкая, — что не всегда получается убедительно. Последующие исследователи критиковали Хакера: само понятие инклюзивизма всем очень понравилось, но при этом с интерпретациями Хакера мало кто был согласен. Сейчас понятие инклюзивизма используется широко, но «как правило, интерпретируется в достаточно обобщенном и интуитивно понят-

22. Hacker, P. (1983) “Inklusivismus”, in *Inklusivismus: eine Indische Denkform*, pp. 11–28. Wien, Leiden: Institut für indologie der Universität Wien, Sammlung De Nobili; Brill.

ном виде — как стратегия по объединению в рамках единой доктрины учений, относящихся к различным историческим периодам и имеющих различное происхождение»²³.

В истории индуизма подмечена сильная тенденция сравнивать, сопоставлять, регулярно подновлять и взаимно адаптировать различные идеи, культы, обряды, подверстывать одни под другие, соединять, включать одни как составные части других, формируя таким образом весьма сложные системы и многослойные нарративы.

Противоречия между представителями разных религиозных направлений (если только не учитывать сложную и конфликтную историю противостояния ислама и местных религий) чаще всего не касались большинства мирян: этнические сообщества Индии имеют конфессиональные конфигурации, складывавшиеся на протяжении столетий. Здесь существует множество культов и практик, занимающих промежуточное положение между, скажем, индуизмом и сикхизмом, индуизмом и джайнизмом, шиваизмом и вишнуизмом и так далее. В этой связи концепт мученичества в том виде, как он сформировался в христианстве, не получает своего исторического, социального и идеологического основания. При этом отдельные случаи противостояния общин, разумеется, были. Известны примеры мгновенного, быстрого коллективного реагирования на какое-либо значимое трагическое событие, когда представители одного сообщества проявляют в отношении другого агрессию, вплоть до убийств; так, многие сикхи Дели до сих пор помнят погромы и насилия, случившиеся после убийства премьер-министра Индии Индиры Ганди в октябре 1984 года. Страданиям подверглись мирные люди, не имевшие никакого отношения к этому событию, и зачастую поддерживавшие политику правительства, хотя военная операция «Голубая звезда» в Амритсаре в июне того же года огорчила и даже оскорбила многих сикхов. Вне такого рода политических событий отношения между сикхами и индуистами оставались добрососедскими.

Фрески XVII века около водоема Золотой Лилии в храме Минакши в Мадурай, а также в шиваитском храме Тируведагам в Тамилнаду изображают джайнов, посаженных на колья: это предполагаемое событие произошло в царстве Пандья, в царствование

23. См.: Десницкая Е. А. Инклюзивизм как категориальное средство в работах Пауля Хакера и Герхарда Оберхаммера // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 191–200.

Арикесари Маравармана (VII век), который оставляет джайнизм и обращается в шиваизм. Согласно тамильским шиваитским текстам («Перия Пуранам», текст Секкилара, первой половины XII века, текст Намбияндара Намби XI века), восемь тысяч тамильских джайнов были тогда посажены на колья²⁴. Это один из довольно редких примеров столь массовой казни и кроющегося за ней возможного противостояния общин. Правда, согласно мнению большинства историков, едва ли это событие имело место в действительности, оно не подтверждается другими источниками²⁵. Во всяком случае, кажется примечательным отсутствие какой-либо памяти об этом событии и почитания убиенных среди джайнских общин Южной Индии.

Религиозное противостояние мусульман и представителей множества местных религиозных направлений и традиций, прежде всего в северных областях субконтинента, породило серьезные конфликты и перемены. Любопытно, однако, что это не привело, по-видимому, к формированию вернакулярной идеи мученичества; очевидно, концепт мученичества долгое время не был свойственен дхармическим религиям, и погибшие за веру особыми заслугами не отмечались. Наоборот, в дхармических религиях считается, что лучшая карма в следующем рождении или освобождение от перерождений обеспечивается последовательным проживанием земных воплощений. Более того, безвременно погибшие в народных представлениях индийцев часто становятся *бхутами* (*bhūt*), *претами* (*pret*) или другими представителями нечистой силы. Поэтому, насколько нам известно, погибших за отказ сменить веру в рамках, по крайней мере, таких крупных религий Индии, как индуизм, джайнизм и буддизм, в целом мучениками считать не принято.

Что касается индийского христианства, то в нем феномен мученичества несомненно присутствует и ровно в том понимании, в каком он существует в западном христианстве. Среди мучеников, непосредственно связанных с Индией, есть и урожденные индийцы, и погибшие в Индии европейские миссионеры. Первым наиболее известным христианином в Индии, принявшим мученическую смерть, является апостол Фома, по преданию, вы-

24. Hudson, D. D. (1989) "Violent and Fanatical Devotion among the Nāyaṅārs: A Study in the Periya Purāṇam of Cekkīlār", in A. Hildebeitel (ed.) *Criminal Gods and Demon Devotees: Essays on the Guardians of Popular Hinduism*, pp. 373–404. Albany: State University of New York Press.

25. Doniger, W. (2013) *On Hinduism*, p. 145. New Delhi: Aleph.

сидившийся в 52 году н.э. на сушу Малабарского побережья около современного городка Парур в Керале. Согласно широко распространенному представлению, Фома обратил в христианство семь местных брахманских семей и основал здесь небольшую общину. Он совершил довольно продолжительное путешествие, достиг другого морского побережья, где и был убит на холме Паранги-малаи (ныне Холм Святого Фомы) около современного города Ченнаи (Мадрас): его убийство должно было предотвратить массовое обращение в христианство. Гробница святого апостола Фомы — правда, в настоящее время уже без мощей, которые были перемещены — почитается и поныне.

Известно, что переход в ислам и христианство в Индии очень часто был инспирирован социальными обстоятельствами: группы, занимающие самые низкие ступени в брахманической варно-кастовой иерархии стремились из нее выйти, приняв иную религию. Внутри других групп, которые оставались индуистами, нередко формировались и иногда укреплялись особые версии о своем происхождении, особая система ценностей и контр-нарративы. Межкастовые конфликты известны в истории Индии, хотя завершались по-разному — в одних случаях они рассасывались, в других приводили к формированию более-менее сплоченных низкостатусных сообществ, выдвигающих свои требования и достигающих определенных целей. Тем не менее, всякое повышение общественного положения и статуса в Индии шло по пути санскритизации (по известному термину, предложенному впервые в работе М. Н. Шриниваса, и затем закрепившемуся в индийской антропологии²⁶), то есть заимствования обычаев и практик более высоких групп. Случаи насилия, например, над брахманами жестоко карались, тогда как даже убийство человека, чей статус — шудра, или неприкасаемый, с точки зрения законнической литературы дхармашастр не представляет значительной проблемы. Таким образом, в Северной Индии едва ли можно говорить о мученичестве в случае межкастовых конфликтов и гибели в них: это рассматривается как правомерное наказание, узаконенный порядок или же как злосчастное происшествие, происходящее из-за дурной кармы того, кто пострадал. При этом в Южной Ин-

26. Srinivas, M.N. (1952) *Religion and Society among the Coorgs of South India*, p. 32. Oxford, UK: Oxford University Press; Charsley, S. (1998) "Sanskritization: The career of an anthropological theory", *Contributions to Indian Sociology* 32(2): 527.

дии внутри отдельных низкостатусных с брахманической точки зрения сообществ бывают случаи, инспирированные межкастовой рознью и столкновениями, которые могли бы быть классифицированы как мученичество. Однако системным явлением это не становится.

Кшатрийская модель

Если в рамках определенной культурной модели погибших в бою за свои страну и народ причисляли и причисляют к мученикам, то вполне можно ожидать того, что в исторической перспективе павшие в битве воины могли также почитаться особым образом. Часто при наличии в социальной структуре общества отдельного воинского сословия, у последнего за определенный исторический период вырабатывается особый воинский кодекс, основанный на представлениях о сословной чести воинов и содержащий ценности и правила кодифицированного поведения²⁷, в частности, касающиеся возможной гибели воина в битве. Такие кодексы существовали у воинских сословий многих народов мира, как, например, у японцев и адыгов²⁸. Поэтому в рамках исследования концепта мученичества мы считаем нужным рассмотреть кшатрийскую модель мученичества.

Эта модель мученичества изначально формировалась в кастовых сообществах кшатрийской варны (как правило, аристократического и воинского сословия), а также в сообществах, ассоциирующих себя с кшатриями, и непосредственно связана с кшатрийской дхармой. Кшатрийская дхарма, а также связанная с ней социальная этика представляют собой своего рода воинский кодекс, предписывающий, помимо всего прочего, самопожертвование и гибель в битве в случае необходимости. Поэтому мученическая смерть для кшатриев является одним из элементов правильной модели социального поведения. Во многих случаях такая смерть расценивалась даже выше, чем победа над врагом и возвращение воина с триумфом домой.

27. В целом это специально проанализировано историком Евгенией Ваниной и описано в разделе «Люди меча» в книге: *Ванина Е. Ю.* Средневековое мышление. Индийский вариант. М.: Восточная литература, 2007. С. 167–200.

28. См.: Книга Самурая: Юдзан Дайдодзи Будосёсинсю. Ямамото Цунэтомо Хагакурэ. Юкио Мисима Хагакурэ Нюмон / перевод на русский Котенко Р. В., Мищенко А. А. СПб: Евразия, 1998; *Бгажноков Б. Х.* Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978.

Мотивы воинской чести и героической гибели в бою встречаются в литературе и фольклоре многих регионов Индии. В тамильской поэзии даже упоминаются случаи специального по-смертного разрезания и уродования тел погибших на поле битвы, чтобы создать видимость более продолжительной и самоотверженной борьбы погибшего перед смертью²⁹. При этом можно утверждать, что наибольшее влияние на культуру современной Индии оказал многоуровневый комплекс представлений о воинской чести, сформировавшийся у такого воинско-кастового образования как раджпуты; он же является наиболее известным и хорошо описанным на настоящий момент³⁰. В рамках этого комплекса представлений известны различные форматы мученической смерти: в мужском и женском исполнении, индивидуальные и коллективные. Широкою известность приобрели форматы коллективной гибели, такие как *шака* и *джаухар*. Оба они применялись раджпутами в случае невозможности защитить крепость от вторжения врага. В такой ситуации мужчины выходили на последнюю битву (*шака*), в которой из-за неравенства сил обычно не могли победить, а только погибнуть. Женщины же, нередко вместе с детьми и стариками совершали *джаухар* — массовое самосожжение; они закрывали двери и сходились в центр крепости, к углублению, в котором разжигали костер. Этими событиями знаменита, в частности, крепость Читтор. Перед гибелью женщины оставляли на стенах отпечатки ладоней, окрашенных красным порошком или пастой.

Индивидуальные формы мученичества у раджпутов непосредственно связаны с посмертным почитанием мучеников как вернакулярных божеств. В случае женщин такой формой мученической смерти является обряд *саму* — самосожжение вдовы на погребальном костре умершего мужа. После смерти такая женщина становится *саму-мата* (*satī-mātā*) — богиней-покровительницей своего клана. Мужчины, погибшие героической смертью, также становятся местночтимыми божествами, *вирами* (*vīr* ‘герой’) — хранителями клана или местности. В зависимости от типа героической смерти выделяются несколько кате-

29. Blackburn, S. H. (1978) “The Folk Hero and Class Interests in Tamil Heroic Ballads”, *Asian Folklore Studies* 37(1): 131–149.

30. На русском языке этому посвящены, в частности, работы этнографа Елены Успенской: *Успенская Е. Н.* Кодекс чести воина-раджпута в средневековой Индии // *Этикет у народов Южной Азии*. СПб: Петербургское востоковедение, 1999. С. 137–145.

горий *вилов*: *джунджхар* (*jūṅḡhār* ‘борец’) или *бхомия* (*bhomiā*, букв. ‘относящийся к земле’) — воин, потерявший в бою голову, но продолжавший какое-то время сражаться без головы; *сагас* (*sagas*, этимология не ясна) — воин, вероломным образом убитый не во время битвы, а, например, зарезанный во время отдыха или молитвы в храме, отравленный ядом и др.³¹

Кшатрийскую модель мученичества отличают строгая кодифицированность и каноничность. Многие героические божества даже не сохранили индивидуальных имен и обозначаются категориальными названиями — *джунджхар*, *бхомия*, *сати-мата* и др. На месте их гибели, в чхаттри — памятных павильонах — или других местах сооружаются определенные памятные знаки: камни-стелы, посвященные сати или войнам, изображения конных воинов-джунджхаров, отпечатки женских ладоней на стенах крепостей как знак совершения джаухара и др.

Очевидно, что мотив сражения героя без головы несомненно является метафорой героической гибели, при этом такая метафора используется в литературе и фольклоре довольно часто. Именно так оборвалась жизнь широко известного в штатах Раджастан и Химачал-Прадеш божества-вира Гоги Чаухана (Гога-джи или Гуга-джи), в регионе Чамба его также называют Мундликкх (от *мунда* ‘голова’ и *ликх* ‘линия’), апеллируя к обстоятельствам смерти. Аналогичную смерть встретил и другой раджастанский божественный герой — Пабуджи³². В различных источниках подобная кончина приписывается и другим героям: например, гуджаратскому правителю Чампраджу Вале³³ и радже королевства Чамба Раджу Сингху в битве при Нерти (конец XVIII века)³⁴. Интересно, что мотив воина, сражающегося без головы, выходит далеко за рамки кшатрийского сословия и встречается применительно к мусульманским и сикхским героям. Известен сюжет о мусульманском святом Миране Са-

31. Harlan, L. (2003) *The Goddesses' Henchmen Gender in Indian Hero Worship*. Oxford University Press.

32. Kamphorst, J. (2008) *In Praise of Death. History and Poetry in Medieval Marwar (South Asia)*, pp. 73, 151–152. Leiden University Press.

33. “Valiant Chapraj Vala”, *Explorerwithinblog*, 24.03.2019 [<https://explorerwithinblog.wordpress.com/2019/03/24/valiant-chapraj-vala/>], accessed on 12.08.2021].

34. Tarun, G. (2013) “Nerti — The Lost World of Kangra Folklore | Har Gaon Ki Kahani”, *Loop-Whole* 03.10.2013 [<http://www.tarungoel.in/2013/10/03/nerti-the-lost-woldr-of-kangra-folklore-har-gaanv-ki-kahani/>], accessed on 12.08.2021].

хибе, который теряет голову в битве и продолжает драться без нее против войск индуистского раджи из Тхару³⁵. Аналогичную смерть, согласно некоторым источникам, встретили также известные сикхи Баба Дип Сингх³⁶ (а также его соратники Бхаи Махит Сингх и Баба Наудх Сингх³⁷), Баба Гурбакш Сингх³⁸, Баба Дхарам Сингх³⁹ и др.

Посмертная память и почитание героически погибших предков весьма выгодны семьям и кланам, члены которых как раз и становятся «репутационными предпринимателями» — теми, которые сознательно продвигают почитание определенных людей в качестве мучеников из личного интереса (термин Гэри А. Файна)⁴⁰. Прежде всего, наличие среди предков погибших в бою воинов или сати повышает престиж клана. Помимо престижа присутствует и материальный интерес: места сати и памятные камни воинам становятся святынями и привлекают паломников и жертвователей. Кроме того, семья, имеющая в роду героического предка, вплоть до Независимости Индии могла рассчитывать на существенные преимущества при получении различных льгот, денежных субсидий и пр. от местного сюзерена. Так, далеко не секрет, что по этим причинам на протяжении веков многих вдов тем или иным способом склоняли или принуждали к сати. Несмотря на то, что в настоящее время сати считается противозаконной практикой, отдельные случаи сати были отмечены уже в ХХI веке (2002, 2006 годы)⁴¹. Аналогично Линдси Харлан описывает появление современных *джунджхаров* и приводит в книге характеристики двух человек, посмертно считающихся *джунджхарами*⁴². Оба они вели криминальный образ жизни

35. Rose, H. A. (1919) *A Glossary of the Tribes and Castes of the Punjab and North-West Frontier Province*. Vol. 1. Lahore, Printed by the superintendent, Government Printing, Punjab.

36. Deol, H. *Religion and Nationalism in India*, p. 189.

37. “Itihas Damdami Taksal (Sankhep)”, *Sikh Wiki. Encyclopedia of the Sikhs* [[https://www.sikhiwiki.org/index.php?title=Itihas_Damdami_Taksal_\(Sankhep\)&oldid=64216](https://www.sikhiwiki.org/index.php?title=Itihas_Damdami_Taksal_(Sankhep)&oldid=64216), accessed on 29.08.2021].

38. Ibid.

39. “Borawal”, *Panjpedia* [<https://panjpedia.org/en/wiki/english-borawal-village-mansapunjab>, accessed on 12.08.2021].

40. См. статью А. Зыгмонта в этом номере журнала.

41. BBC (2006) “India wife dies on husband’s pyre”, BBC news, 22 August [http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/5273336.stm, accessed on 25.02.2022].

42. Harlan, L. *The Goddesses’ Henchmen Gender in Indian Hero Worship*.

(разбой, контрабанда), при этом один погиб при столкновении с полицией, а второй — в мотокатастрофе. Никакого отсечения головы, как и никакого героизма в их жизни и гибели в этих историях не наблюдается, однако приверженность раджпутскому образу жизни путем неподчинения (как закону, так и правилам дорожного движения) в глазах местной общины приравнивает их к героям древности.

Можно утверждать, что описанная нами кшатрийская модель соответствует трем критериям мученичества, сформулированным во введении. Смерть в таких случаях безусловно насильственная, воины идут на нее, помимо других причин, ради достойного выполнения своей дхармы. Но важно еще и то, что, по утверждению Линдси Харлан⁴³, именно мученическая смерть определяет трансформацию погибших в божеств, обретение ими соответствующей силы, которая становится основанием посмертного почитания и поклонения. Таким образом, можно говорить о том, что в доисламский период для Индии была характерна подобная модель мученичества, и в определенной мере она сопоставима с моделью *шахадат*.

Культово-вернакулярная модель

Наряду с кшатрийской моделью мученичества можно выявить еще одну модель, которую условно можно обозначить как «культово-вернакулярную». Она основана на локальных представлениях о том, что умерший человек может стать после смерти новым местнотимым божеством — *девтой* (*devtā*). Во многих регионах Индии существует сходный сценарий признания кого-то из умерших новым божеством: являясь во сне или во время медиумных практик, недавний умерший прямо заявляет о том, что ему теперь следует поклоняться как божеству, и община, следуя его словам, создает новый культ. Само признание умершего девтой напрямую не предполагает мученической смерти, причина смерти в таком случае может быть любая — вплоть до смерти по старости. При этом погибшие (умершие насильственной смертью или по другим причинам, отличным от естественных) в представлении индийцев с большей вероятностью будут соприкасаться с миром живых. Часто погибшие становятся *бхутами*,

43. Ibid.

злыми духами, тем или иным способом вредящими людям. Однако в некоторых случаях, если умерший вел правильный образ жизни и умер во время какого-либо благого деяния или с добрыми намерениями, он может стать *девтой*. Так, в деревне Наггар (округ Куллу, Химачал-Прадеш) нами был записан нарратив о строителе дворца раджи (*Nagggar castle*), которого раджа заставлял работать день и ночь. Днем этот человек строил сам дворец, а ночью — окружающие постройки и, когда строительство было завершено, скончался от чрезмерной нагрузки. После этого он стал являться окружающим и сообщать, что стал *девтой* и теперь ему нужно поклоняться, что вскоре община и начала делать⁴⁴.

В качестве еще одного примера можно привести достаточно известное в Раджастане божество — Риктия Бхеру, место почитания которого находится в деревне Маласи в округе Суджангарх района Чуру. По словам одного из наших собеседников, жителя деревни Маласи, история происхождения этого божества насчитывает уже около 700 лет.

Один молодой человек из касты джатов по имени Риктирам (Риктия, как его называют) из деревни Хирод (что в округе Навалгарх района Джунджуну) женился на девушке родом из деревни Маласи. Риктирам был веселым и добродушным, и родственники жены нередко над ним подшучивали, пользуясь его покладистым нравом, подчас весьма жестоко. Он все терпел и слыл «мужем-подкаблучником». Жена часто гостила в деревне у своих родных. Однажды, когда он пришел забирать ее из Маласи, ее братья и сестры решили опять подшутить над ним, схватили и потащили к колодцу, подвесили, держа на руках, головой вниз. Кто-то в шутку разжал руки — и парень упал, погиб. Вскоре здесь сложился культ, люди стали почитать дух погибшего как *девту*-хранителя места. Его классифицируют как *бхеру-джи*, или *бхайрава*, то есть защитника; Риктия Бхеру обрел популярность далеко за пределами своей округи, сюда приезжают люди из других районов Раджастана⁴⁵. Здесь регулярно проводят *джадулу* — обряд первой стрижки волос у детей.

44. Полевые материалы Е. А. Ренковской (д. Наггар, округ Куллу, Химачал-Прадеш, 2014).

45. Полевые материалы С. И. Рыжаковой (Mal_03 PF 1.03.2018 Маласи, Раджастан).

Интересно, что в отличие от сюжетов мученичества, характерных для Северной Индии, одним из центральных сюжетов мученичества в Южной Индии является кастовый вопрос: мучениками часто предстают люди из низких каст, убитые представителями высоких каст. К вернакулярным культовым случаям мученичества можно отнести ряд историй, распространенных в Северном Малабаре (штат Керала), связанных с традицией *калияттам* (*тейям*)⁴⁶. В некоторых случаях речь идет о людях, трансформировавшихся после смерти в божеств, и периодически являющихся в мир посредством особых медиумов. Тейямами могут стать невинные жертвы, люди из низких социальных слоев и представители низких каст, те, кто в своей земной жизни сталкивался с унижением и жестокостью и подвергся мученической смерти⁴⁷. Материалы наших полевых исследований показывают антикастовые настроения в жизнеописаниях героев, ставших божествами после такого рода гибели. При этом в дальнейших историях божеств уже далеко не всегда говорится о расплате за эти несправедливые действия, и едва ли можно говорить об их нравоучительном характере. Представление медиума в рамках обряда оказывается одновременно и служением им, и сохранением и трансформацией исторической памяти о них. Само представление истории таких *тейямов* обладает, видимо, целебной силой, действует умиротворяюще на все общество, состоящее из разных каст и статусных групп, в обычной жизни весьма сильно разделенных.

Примером истории появления такого *тейяма* может служить история Палантая Каннана, или Вишнумурти⁴⁸. Палантай Каннан был мальчиком из касты *тийя*⁴⁹, убитым человеком из касты

46. См. подробнее: Рыжакова С. И. Одержимость, служение, лицедейство: о границах культового и художественного в традициях колам (дайва-нема) Южной Каннады и калияттам (тейям) Северной Кералы (Индия) // Антропологический форум. 2017. № 34. С. 213–246.

47. Chandran, T. V. (2006) *Ritual as Ideology. Text and Context in Teyyam*, p. 40. New Delhi: IGNSA, D. K. Printworld (P) Ltd.

48. Ashley W., Holloman, R. (1990 (1993)) “Teyyam”, in F. P. Richmond, D. L. Swann, P. B. Zarrilli (eds) *Indian Theatre: Tradition of Performance*, p. 140. Delhi: Motilal Banarasisdas Publishers Private Ltd.

49. Тийя (Thiyua) — одна из каст Северного Малабара в составе современного индийского штата Керала, обычно идентифицируемая с более крупной и широко расселенной в центральной и южной Керале кастой ежава (Ezhava); см. Gough, E. K. (1961) “Thiyar: North Kerala”, in D. M. Schneider, E. K. Gough (eds) *Matrilineal Kinship*, p. 405. Berkeley and Los Angeles: University of California Press. Традиционный круг занятий тийя — сельскохозяйственные работы, сбор коко-

куруп (одной из совокупности каст *наиров*)⁵⁰ за нарушение кастовых порядков. С одной стороны, такую смерть можно интерпретировать как законное наказание, с другой — как вопиющую несправедливость, а убитого — как мученика. Предание гласит, что после этого события семья *курупа* стала нищать и терпеть всякие бедствия. Наконец, хозяину во сне явился бог Вишну и велел устроить почитание *тейяма* в честь этого мальчика, который стал *тейямом* Вишнумурти⁵¹.

Еще один *тейям* — Поттан *тейям*, буквально «глухонемой», «дурачок» — почитается повсеместно в Северном Малабаре. В своей земной жизни это был человек из очень низкой касты *пулайя*, и однажды он случайно столкнулся на дороге с брахманом. Тот потребовал от него немедленно обратиться, но неприкасаемый вступил с ним в дискуссию о несправедливости кастовой сегрегации, за что и был убит брахманом. После гибели он был возведен в число божеств и начал интерпретироваться как воплощение Шивы, принимающего облик неприкасаемого — *чандаль*⁵².

Как можно видеть из примеров, в отличие от кшатрийской модели, случаи мученичества в культово-вернакулярной модели окказиональны и не имеют никакого единого формата. Их объединяет то, что новопочитаемые *девты* становятся известны по факту своей, часто необычной, смерти, и считается, что смерть наступила в процессе или в результате осуществления какого-либо доброго дела: постройки дворца, спора о несправедливости кастовой системы и др. Чаще всего дело обстоит так, что низшие касты начинают почитать «своих» умерших в качестве компенсации за обиды, нанесенные им со стороны представителей высших

совых орехов, изготовление алкогольного напитка тодди, также ткачество и врачевание. Тийя, как и ежава, относят к категории «другие отсталые классы» (Other Backward Classes).

50. Наиры (наяры; Nairs, Nayars) — совокупность каст Кералы, занимающих достаточно привилегированное место (хотя и гораздо ниже брахманов) в кастовой системе; к наирам принадлежат некоторые местные княжеские семьи и многие землевладельцы. Традиционные занятия наиров охватывают широкий спектр деятельности, включая военную службу, медицину, науки, литературу и искусства. Наирам посвящено множество антропологических исследований; среди относительно ранних см.: Fuller, Ch. J. (1976) *The Nayers Today*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

51. Chandran, T. V. *Ritual as Ideology. Text and Context in Teyyam*, pp. 5–6. Также об этом свидетельствуют полевые материалы С. И. Рыжаковой (N_3 PF 30.02.2015, Каннур, Керала).

52. Полевые материалы С. И. Рыжаковой (Namb_3 PF 28.02.2015, Аликур, Керала).

каст, и в ряде случаев такое почитание приводит к определенной мобилизации. Со временем такие *девты* могут становиться объектом почитания и для других каст, и даже для представителей других религиозных деноминаций.

Некоторые итоги

При всем обилии разнообразных форм мученической гибели совершенно точного аналога всего комплекса мученичества, в том виде как он сложился в христианстве, в индийском обществе (за исключением индийцев-христиан), пожалуй, нет. Однако в расширительном понимании этот термин вполне охватывает целый ряд моделей и форматов физических страданий, гибели и последующих за этим форм почитания умерших.

До того как в Индии появилась пришедшая вместе с исламом модель мученичества *шахадат*, там существовали свои автохтонные модели, которые сопоставимы с понятием мученичества в тех культурах, где это понятие уже существует. Кшатрийская и культово-вернакулярная модели объединены тем, что обе образованы на базе индуизма и локальных традиций, и мученики после смерти переходят в класс божеств и покровителей, который в индуизме является открытым множеством. Кроме того, если в кшатрийской модели причисление погибшего к божествам определяется сословной этикой, выполнением дхармы и непосредственно самой гибелью, то в культово-вернакулярной модели это определяется только гибелью, как правило, за какие-либо добрые начинания, что может быть «подверстано» в нарративе о трагическом событии постфактум. Культово-вернакулярная модель является надсословной, надкастовой и надсистемной. Она способна соединять общеиндуистские, локальные, мусульманские, христианские представления и практики.

В целом можно сказать, что для индуистского общества характерна очень тонкая грань между большим уважением, почитанием и ритуализированным религиозным поклонением. Очень часто вокруг любых высоко почитаемых в обществе людей в сообществе складывается своеобразный личный культ. Видимо, этот же культурный механизм срабатывает и в случае перехода людей, погибших мучительной смертью, героев, боровшихся за определенные идеалы, и в целом тех, кто стал жертвой обстоятельств, злого умысла или судьбы в класс местночтимых, а в некоторых случаях и более широко известных и почитаемых божеств.

Библиография / References

Полевые материалы

- Полевые материалы Е. А. Ренковской:
д. Наггар, округ Куллу, Химачал-Прадеш, 2014.
Полевые материалы С. И. Рыжаковой:
Mal_03 PF 1.03.2018 Маласи, Раджастан.
N_3 PF 30.02.2015, Каннур, Керала.
Namb_3 PF 28.02.2015, Аликур, Керала.

Литература

- Али-заде А. А. Шахид // Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007.
Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978.
Бочковская А. Многомерность отчаяния: о самоубийствах фермеров Видарб-хи // Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение / научный редактор И. П. Глушкова. М.: Наталис, 2012. С. 340–368.
Ванина Е. Ю. Средневековое мышление. Индийский вариант. М.: Восточная литература, 2007.
Десницкая Е. А. Инклюдизм как категориальное средство в работах Пауля Хакера и Герхарда Оберхаммера // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 191–200.
Зыгмонт А. И. «Dulce et decorum est»: феномен мученичества в западных национализмах XVIII–XX веков // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 3. С. 173–171.
Книга Самурая: Юдзан Дайдодзи Будосёсинсю. Ямамото Цунэтомо Хагакурэ. Юкио Мисима Хагакурэ Ньюмон / перевод на русский Котенко Р. В., Мищенко А. А. СПб: Евразия, 1998.
Рыжакова С. И. Одержимость, служение, лицедейство: о границах культового и художественного в традициях колам (дайва-нема) Южной Каннады и калияттам (тейям) Северной Кералы (Индия) // Антропологический форум. 2017. № 34. С. 213–246.
Успенская Е. Н. Кодекс чести воина-раджпута в средневековой Индии // Этикет у народов Южной Азии. СПб: Петербургское востоковедение, 1999. С. 137–145.

Field materials

- Field materials collected by Evgeniya Renkovskaya:
Naggar village, Kullu district, Himachal Pradesh, 2014.
Field materials collected by Svetlana Ryzhakova:
Mal_03 PF 1.03.2018 Malasi, Rajasthan.
N_3 PF 30.02.2015, Kannur, Kerala.
Namb_3 PF 28.02.2015, Alikur, Kerala.

Literature

- Acharya, K. (1993) *Purāṇic Concept of Dāna*. Delhi: Nag Publishers.
Afsaruddin, A. (2013) *Striving in the Path of God. Jihād and Martyrdom in Islamic Thought*. New York: Oxford University Press.

- Ali-zade, A. A. (2007) "Shakhid" [Shahid], *Islamskii entsiklopedicheskii slovar'*. M.: Ansar.
- Ashley W., Holloman, R. (1990 (1993)) "Teyyam", in F. P. Richmond, D. L. Swann, P. B. Zarrilli (eds) *Indian Theatre: Tradition of Performance*, p. 131–150. Delhi: Motilal Banarasidas Publishers Private Ltd.
- Bgazhnikov, B. Kh. (1978) *Adygskiy etiket* [Adyghe etiquette]. Nalchik: Elbrus.
- Blackburn, S. H. (1978) "The Folk Hero and Class Interests in Tamil Heroic Ballads", *Asian Folklore Studies* 37(1): 131–149.
- Bochkovskaya, A. (2012) "Mnogomernost' otchayaniia: o samoubiistvakh fermerov Vidarbhi" [The Multidimensional Despair: On the Suicides of Vidarbha Farmers], in I. P. Glushkova (ed.) *Smert' v Makharashtre. Voobrazhenie, vospriyatie, voploshchenie*, pp. 340–368. M.: Natalis.
- "Borawal", *Panjpedia* [<https://panjpedia.org/en/wiki/english-borawal-village-mansa-punjab>, accessed on 12.08.2021].
- Chandran, T. V. (2006) *Ritual as Ideology. Text and Context in Teyyam*, p. 40. New Delhi: IGNC A, D. K. Printworld (P) Ltd.
- Charsley, S. (1998) "Sanskritization: The career of an anthropological theory", *Contributions to Indian Sociology* 32(2): 527–549.
- Cross, F. L. (ed.) (2005) "Martyr", in *The Oxford Dictionary of the Christian Church*. New York: Oxford University Press.
- Deol, H. (2000) *Religion and Nationalism in India. The Case of the Punjab*. London and New York: Routledge.
- Desnitskaya, Ye. A. (2021) "Inkluzivizm kak kategorial'noe sredstvo v rabotakh Paulia Hakera i Gerkharda Oberkhammera" [Inclusiveism as a categorical means in the works of Paul Hacker and Gerhard Oberhammer], *Voprosy filosofii* 7: 191–200.
- Dictionary of Martyrs. Azadi ka Amrit Mahotsav (75 years of Independence)* [https://pib.gov.in/amritmahotsav/dictionary_book.aspx, доступ от 12.08.2021].
- Doniger, W. (ed.) (1999) "Martyr", in *Merriam-Webster's Encyclopedia of World Religions*, pp. 695–696. Springfield, Massachusetts: Merriam-Webster, Incorporated.
- Fenech, L. E. (1997) "Martyrdom and the Sikh Tradition", *Journal of the American Oriental Society* 117(4): 623–642.
- Fuller, Ch. J. (1976) *The Nayars Today*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Glushkova, I. P. (ed.) (2012) *Smert' v Makharashtre. Voobrazhenie, vospriyatie, voploshchenie* [Death in Maharashtra. Imagination, perception, embodiment]. Moscow: Natalis.
- Gough, E. K. (1961) "Tiyar: North Kerala", in D. M. Schneider, E. K. Gough (eds) *Matrilineal Kinship*, p. 405. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Hacker, P. (1983) "Inklusivismus", in *Inklusivismus: eine Indische Denkform*, pp. 11–28. Wien, Leiden: Institut für indologie der Universita ¨t Wien, Sammlung De Nobili; Brill.
- Harlan, L. (2003) *The Goddesses' Henchmen Gender in Indian Hero Worship*. Oxford University Press.
- Hudson, D. D. (1989) "Violent and Fanatical Devotion among the Nāyaṅārs: A Study in the Periya Purāṇam of Cekkilār", in A. Hildebeitel (ed.) *Criminal Gods and Demon Devotees: Essays on the Guardians of Popular Hinduism*, pp. 373–404. Albany: State University of New York Press.

- "Itihas Damdami Taksal (Sankhep)", *Sikh Wiki. Encyclopedia of the Sikhs* [[https://www.sikhwiki.org/index.php?title=Itihas_Damdami_Taksal_\(Sankhep\)&oldid=64216](https://www.sikhwiki.org/index.php?title=Itihas_Damdami_Taksal_(Sankhep)&oldid=64216), accessed on 29.08.2021].
- Jawandha, N. S. (2010) *Glimpses of Sikhism*. New Delhi: Sanbun Publishers.
- Kamphorst, J. (2008) *In Praise of Death. History and Poetry in Medieval Marwar (South Asia)*. Leiden University Press.
- Khan, A. (2015) *From Sufism to Ahmadiyya: a Muslim minority Movement in South Asia*, Bloomington: Indiana University Press.
- Kitts, M. (2018) "The Martyrs and Spectacular Death: From Homer to the Roman Arena", *Journal of Religion and Violence* 6(2): 267–294.
- Kotenko, R. V., Mishchenko, A. A. (eds) (1998) *Kniga Samuraia: Iudzan Daidodzi Budososinsiu. Yamamoto Tsunetomo Khagakure. Yukio Misima Khagakure Nyumon* [Samurai Book: Yuzan Daidoji Budoseshinshu. Yamamoto Tsunetomo Hagakure. Yukio Mishima Hagakure Nyumon]. SPb: Yevraziia.
- Moss, C. (2010) *The Other Christs: Imitating Jesus in Ancient Christian Ideologies of Martyrdom*. New York, Oxford: Oxford University Press.
- Ramaswamy, S. (2008) "Maps, Mother/Goddesses, and Martyrdom in Modern India", *The Journal of Asian Studies* 67(3): 819–853.
- Rose, H. A. (1919) *A Glossary of the Tribes and Castes of the Punjab and North-West Frontier Province*. Vol. 1. Lahore, Printed by the superintendent, Government Printing, Punjab.
- Ryzhakova, S. I. (2017) "Oderzhimost', sluzhenie, litsedeistvo: o granitsakh kul'tovogo i khudozhestvennogo v traditsiakh kolam (dayva-nema) Iuzhnoi Kannady i kaliattam (teyyam) Severnoi Keraly (India)" [Spirit — possession, service, acting: on the boundaries of the cult and the artistic in the tradition of kolam (daiva-nema) of South Kannada and kalyattam (teyam) of North Kerala (India)], *Antropologicheskii forum* 34: 213–246.
- Schombucher, E., Zoller, C. P. (eds) (1999) *Ways of Dying. Death and Its Meaning in South Asia*. New Delhi: Manohar.
- Settar, S. (1989) *Inviting Death. Indian Attitude towards the Ritual Death*. Leiden: Brill.
- Srinivas, M. N. (1952) *Religion and Society among the Coorgs of South India*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Storm, M. (2013) *Head and Heart: Valour and Self-Sacrifice in the Art of India*. London: Routledge.
- Terrone, A. (2017) "10. Nationalism Matters: Among Mystics and Martyrs of Tibet", in Ch.-t. Kuo (ed.) *Religion and Nationalism in Chinese Societies*, pp. 279–308. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- The Ministry of Culture of India (2010–2018) *Dictionary of Martyrs: India's Freedom Struggle (1857–1947)*. Vol. I–V. New Delhi: Indian Council of Historical Research & Manak publications Pvt. Ltd.
- Uspenskaya, Ye. N. (1999) "Kodeks chesti voina-radzhputa v srednevekovoi Indii" [The code of honor of the Rajput warrior in medieval India], in *Etiket u narodov Iuzhnoi Azii*, pp. 137–145. SPb: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Valley, A. (2018) "Dying Heroically. Jainism and the Ritual Fast to Death", in M. Kitts (ed.) *Martyrdom, Self-Sacrifice, and Self-Immolation: Religious Perspectives on Suicide*, pp. 182–204. Oxford: Oxford University Press.
- Vanina, Ye. Yu. (2007) *Srednevekovoe myshlenie. Indiiskii variant* [Medieval thinking. Indian version]. M.: Vostochnaia literatura.

- Zygmunt, A. I. (2019) “Dulce et decorum est’: fenomen muchenichestva v zapadnykh natsionalizmax XVIII–XX vekov” [‘Dulce et decorum est’: The Phenomenon of Martyrdom in Western Nationalisms of the 18th – 20th centuries], *Sotsiologicheskoe obozrenie* 18(3): 143 –171.
- Zygmunt, A. I. (2022) “Muchenichestvo kak reputatsionnyi proekt: kto i kak «delает» muchenikov” [Martyrdom as a Reputation Project: Who and How “Makes” Martyrs]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* 40(1).